

УДК 1(091):82(47)  
ББК 87.3(2)522:83.3

**Константин Юрьевич Лаппо-Данилевский**

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, доктор филологических наук, Dr. habil., ведущий научный сотрудник, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: yurij-danilevskij@yandex.ru

## **Вячеслав Иванов – читатель Виктора Шкловского**

*Аннотация.* Рассматриваются неопубликованные заметки Вяч. Иванова, делавшиеся им, по-видимому, осенью 1919 г. во время чтения статьи Шкловского «Искусство как прием». Публикация этой статьи в сборнике «Поэтика» (1919 г.), ставшем одним из наиболее ярких манифестов русского формализма, вызвала у поэта наибольший интерес. Обращено внимание на то, что в обзоре «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова» Вяч. Иванов анализирует главным образом проблему автоматизации восприятия и прием остранения. На основе анализа заметок поэта показано, что его интересовало куда большее количество вопросов, чем те, что обсуждаются им в этом обзоре: критика потебнианского понимания образности искусства; неизменность образов; особенности восприятия художественных произведений; прием видения и «делание вещи» в искусстве; дихотомия прозаической и поэтической речи, затрудненность поэтического языка, просторечие, славянизмы и архаизмы в нем; нарушения стихотворного ритма как осознанный художественный прием и проч. Отмечено, что статья Шкловского под непривычным для поэта углом зрения затрагивала ряд проблем, которые издавна волновали Вяч. Иванова, и тем давала новые импульсы его мысли, что проявилось в ряде случаев позднее. К тому же кругу вопросов поэта doctus обратился спустя несколько лет в лекциях по «Поэтике», которые он прочел в Бакинском университете весной 1922 г. (курс был дважды повторен – весной 1923 г. и в 1923/24 академическом году).

*Ключевые слова:* русский символизм, русский формализм, русское стихотворение, теория А.А. Потебни, Московский лингвистический кружок

**Konstantin Yur'evich Lappo-Danilevskii**

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences. Doctor in Philology, Doctor Habil. of Philology, senior research fellow, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: yurij-danilevskij@yandex.ru

## **Viacheslav Ivanov as a reader of Viktor Shklovskii**

*Abstract.* This article examines notes made by Viacheslav Ivanov, apparently in the fall of 1919, while reading Shklovskii's essay "Art as Technique." There is no doubt that this publication, although not close to Viacheslav Ivanov in its underlying premises, attracted him to the collection "Poetics" (1919), which became one of the most striking manifestos of Russian formalism. The two paragraphs devoted to Shklovskii's article "Art as Technique" in Vyach. Ivanov's review "On the Latest Theoretical Inquiries in the Field of the Poetic Word" analyze primarily the problem of the automatization of perception and the opposing technique of defamiliarization. However, as Ivanov's notes show, he was interested in a much wider range of issues discussed in this article: a critique of Potebnia's understanding of the imagery of art, the immutability of images, the distinctiveness of artistic perception, "vision" as a device and the making of things" in art, the dichotomy between prose and poetic speech, the complexity of poetic language, its colloquialisms, Slavicisms, and archaisms, the disruption of poetic rhythm as a deliberate artistic device,

etc. Shklovskii's article, written from a perspective unusual for a poet, addressed a number of issues that had long preoccupied Viach. Ivanov, thereby giving new impetus to his thinking. The *poeta doctus* returned to this same set of questions a few years later in lectures on "Poetics" that he delivered at Baku University in the spring of 1922 (the course was repeated twice – in the spring of 1923 and during the 1923–24 academic year).

**Key words:** Russian Symbolism, Russian Formalism, Aleksandr A. Potebnia's theory, Russian versification, Moscow Linguistic Society

**DOI:** 10.17588/2076-9210.2026.3.026-041

Многообразный интерес Вячеслава Иванова (1866–1949), поэта и теоретика русского символизма, к идеям русского формализма, нашедший отражение в его статьях, устных выступлениях и бакинских лекциях по поэтике, не раз был предметом рассмотрения<sup>1</sup>. Задачи настоящего исследования куда скромнее – ввести в научный оборот заметки, которые Вяч. Иванов делал во время чтения статьи Шкловского «Искусство как прием» (1917 г.) (впервые опубликована в 1917 году<sup>2</sup>; поэт пользовался перепечаткой<sup>3</sup> 1919 г.), но сначала имеет смысл напомнить некоторые факты.

Проживая до конца августа 1920 г. в Москве, Вяч. Иванов был, без сомнения, немало наслышан о заседаниях Московского лингвистического кружка (далее МЛК; 1915–1924 гг.), о фольклорных экспедициях, предпринимавшихся его участниками. При этом четкого представления о взаимоотношениях МЛК с петроградским Обществом по изучению поэтического языка (ОПОЯЗ; 1916 – конец 1920-х гг.) на разных этапах его существования у поэта не было. В его представлении участники обоих объединений составляли некое единое течение, тем более что в конце 1910-х гг. их роднил интерес к стиховедению и поэтике.

В 1919–1920 гг. Вяч. Иванов работал «редактором отдела литературы и филологии 1-й редакционной секции» в Научном отделе Государственного издательства, образованном 20 мая 1919 г. при Народном комиссариате просвещения по инициативе А.В. Луначарского<sup>4</sup>. В обязанности Вяч. Иванова входило, помимо прочего, рецензирование статей, предполагавшихся Госиздательством к

<sup>1</sup> См.: Лаппо-Данилевский К.Ю. Вячеслав Иванов в диалоге со школой А.А. Потебни и утверждающимся формализмом // Летняя школа по русской литературе. 2023. № 1–2. С. 42–88 [1]. См. также работу, положившую начало изучению этой темы: Обатнин Г.В., Постоутенко К.Ю. Вячеслав Иванов и формальный метод: (Материалы к теме) // Русская литература. 1992. № 1. С. 180–187 [2].

<sup>2</sup> Шкловский В.Б. Искусство как прием // Сборники по теории поэтического языка. Пг., 1917. Вып. II. С. 3–14 [3].

<sup>3</sup> Шкловский В.Б. Искусство как прием // Поэтика: сборники по теории поэтического языка. Пг.: 18-я гос. типогр., 1919. [Вып. 3]. С. 101–114 [4].

<sup>4</sup> Вяч. Иванов начал службу в советских учреждениях 15 октября 1918 г. в качестве председателя Бюро Историко-теоретической секции Театрального отдела (ТЕО Наркомпроса). См. об этом подробнее: Бёрд Р. Вяч. Иванов и Советская власть (1919–1929): Неизвестные материалы // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 305–306 [5].

публикации. В этом качестве Вяч. Иванову выпало рецензировать работы ученых, входивших в МЛК: «Пятистопный ямб Пушкина» Б.В. Томашевского; «Брюсовская стихология и наука о стихе» Р.О. Якобсона; «Т<ак> н<азываемые> трохаические тетраметры в каролингских ритмах» Б.И. Ярхо (в 1994 г. отзывы Вяч. Иванова были напечатаны К.Ю. Постоутенко<sup>5</sup>; впервые они были охарактеризованы в предисловии к публикации Л.С. Флейшмана<sup>6</sup>). Томашевский был деятельным участником и МЛК, и ОПОЯЗа; Якобсон входил в 1915 г. в число учредителей МЛК и был его председателем в 1915–1919 гг.; Ярхо стал членом МЛК 21 июня 1919 г. по представлению Якобсона<sup>7</sup>.

В статье Якобсона «Брюсовская стихология и наука о стихе»<sup>8</sup> дан резко критический разбор «Краткого курса науки о стихе» В.Я. Брюсова (1919 г.)<sup>9</sup>, Вячеслав Иванов был убежденным противником ее напечатания в том виде, в каком она ему была представлена на рецензирование. По иронии судьбы статья Якобсона была опубликована в том же выпуске «Научных известий» Академического центра Наркомпроса, что и обзор Вяч. Иванова «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова»<sup>10</sup>, содержащий куда более сочувственный разбор той же книги<sup>11</sup>. В результате в одном и том же издании (и отнюдь не в разделе полемики) было представлено два взаимоисключающих взгляда на книгу Брюсова «Краткий курс науки о стихе» (1919 г.)<sup>12</sup>, которая

<sup>5</sup> См.: Три неизданные рецензии В.И. Иванова / публ. К.Ю. Постоутенко // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 237–251 [6].

<sup>6</sup> См.: Томашевский и Московский лингвистический кружок / публ., предисл. и примеч. Л.С. Флейшмана // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. Тарту, 1977. Вып. 422. С. 113–115 (Труды по знаковым системам, IX) [7].

<sup>7</sup> См.: Пильщиков И.А., Устинов А.Б. Московский лингвистический кружок и становление русского стиховедения (1919–1920) // Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel / ed. by L. Fleishman, D.M. Bethea and I. Vinitsky. Bern, 2021. P. 392 [8].

<sup>8</sup> Якобсон Р.О. Брюсовская стихология и наука о стихе // Научные известия / Академический центр Наркомпроса. Сб. 2: Философия; литература; искусство. М.: Гос. изд-во, [1922]. С. 222–240 [9].

<sup>9</sup> См.: Брюсов В.Я. Краткий курс науки о стихе (лекции, читанные в Студии стиховедения в Москве 1918 г.). 2-е изд. М.: Альциона, 1919. Ч. I. Частная метрика и ритмика русского языка (основы русской метрики). 134 с. [10].

<sup>10</sup> Иванов Вяч. О новейших теоретических исканиях в области художественного слова // Научные известия / Академический центр Наркомпроса. М.: Гос. изд-во, [1922]. Сб. 2: Философия. Литература. Искусство. С. 164–181 [11].

<sup>11</sup> 28 августа 1920 г. Вяч. Иванов покинул Москву и уже не мог противодействовать появлению в печати отзыва Якобсона. Написание обзора Вяч. Ивановым обычно датируется 1920 г., но активная работа над ним шла уже в предыдущем году. Так, на одно из заседаний Пушкинского семинария осенью 1919 г. поэт принес текст, идентичный тому, что составляет третью главку обзора (опущены лишь два заключительных абзаца). См. об этом: Лаппо-Данилевский К.Ю. К истории Пушкинского семинария Вяч. Иванова 1919–1920 гг. (записи Н.И. Игнатовой) // Летняя школа по русской литературе. 2025. № 3–4. С. 269 [12].

<sup>12</sup> Так как на обложке книги читаем следующее название: «Наука о стихе. Метрика и ритмика», отличное от того, что указано на титульном листе, то в большинстве отзывов «Краткий курс науки о стихе» фигурирует именно под этим заглавием. Замечания оппонентов были отчасти учтены в

также удостоилась резко критических отзывов со стороны Томашевского и О.М. Брика<sup>13</sup>.

Весьма возможно, что именно конфронтация с Якобсоном побудила Вяч. Иванова ознакомиться и с «Поэтикой» (1919 г.), тем более что в Москве до него доходили рассказы о бурных дискуссиях в МЛК и ОПОЯЗе. Задумывая обзор, поэт, конечно же, не просто стремился дать картину «новейших теоретических исканий», но и желал отстоять ряд собственных основополагающих воззрений на словесное искусство, определенную угрозу которым, исходившую от нового течения, живо ощущал. Помимо «Краткого курса науки о стихе» Брюсова, Вяч. Иванов рассматривает в своем обзоре статьи Андрея Белого «Жезл Ааронов (о слове в поэзии)» и «О художественной прозе», опоязовский сборник «Поэтика» 1919 г. и брошюру М.О. Гершензона «Видение поэта» (1919 г.)<sup>14</sup>.

Приступая к анализу «Поэтики» 1919 г., третьего сборника по изучению поэтического языка, Вяч. Иванов отмечает общую антипотепнианскую платформу, объединяющую «работы молодого лингвистического кружка, замечательные по тщательному подбору и методическому использованию широко привлеченного материала»<sup>15</sup>. В сборнике было помещено четыре статьи Шкловского («Потепня», «О поэзии и заумном языке», «Искусство как прием», «Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля»), и на все из них с разной долей подробности Вяч. Иванов обратил внимание в обзоре «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова».

Шестая глава обзора сфокусирована на фонетической проблематике в «Поэтике». Вяч. Иванову явно импонирует то, что «единомысленная фаланга» молодых исследователей «устремляет все свое внимание в круге проблем стихотворчества на изучение стихии звука»<sup>16</sup>. Именно за это высокой оценки удостоиваются в «Поэтике» статьи Е.Д. Поливанова «О звуковых жестах японского языка», Л.П. Якубинского «О поэтическом глоссемосочетании» и «Скопление одинаковых плавных», О.М. Брика «Звуковые повторы». Соглашаясь с мнением Шкловского, высказанным в статье «О поэзии и заумном языке», что поэтам свойственно тяготение к «заумным, ничего не значащим словам», Вяч. Иванов противопоставляет десемантизированной зауми понятие звукообраза (в сущности, речь идет о том же заумном языке, составляющие которого, по убеждению

---

доработанной версии книги (см.: Брюсов В.Я. Основы стиховедения. Курс В.У.З. Ч. 1 и 2. Общее введение. Метрика и ритмика. М.: Гос. изд-во, 1924. 144 с. [13].

<sup>13</sup> См.: Томашевский Б.В. Теория поэтического языка [рец. на: Брюсов В.Я. Краткий курс науки о стихе. М., 1919; Белый А. О художественной прозе // Горн. М., 1919. Кн. II–III. С. 50–55 // Книга и революция. 1921. № 10/11 (апр.-май). С. 32–34 [14]; Брик О.М. [рец. на: Брюсов В.Я. Краткий курс науки о стихе. М., 1919] // Пролетарская культура. № 13–14. Янв.–март. 1920. С. 102–104 [15].

<sup>14</sup> См.: Белый А. Жезл Аарона (о слове в поэзии) // Скифы. Сборник 1-й. [Пг.: Скифы], 1917. С. 155–212 [16]; Белый А. О художественной прозе // Горн. М.: Т-во Тип. А.И. Мамонтова, 1919. Кн. II–III. С. 49–55 [17]; Поэтика: сборники по теории поэтического языка. Пг.: 18-я гос. типогр., 1919 [Вып. 3] [18]; Гершензон М.О. Видение поэта. М.: 2-я типолит. МГСНХ, 1919 [19].

<sup>15</sup> См.: Брюсов В.Я. Краткий курс науки о стихе. С. 174.

<sup>16</sup> Там же.

Вяч. Иванова, изначально сопряжены с зачаточными образными значениями)<sup>17</sup>.

Два абзаца седьмой главки ивановского обзора посвящены статье Шкловского «Искусство как прием», то есть этой статье уделено куда больше внимания, чем другим его статьям в «Поэтике». Явное сочувствие Вяч. Иванова вызывает опровержение Шкловским «объяснения образного мышления из закона экономии сил», который «превосходно» вскрывает «обратное явление – стремление искусственно затруднить узнавание образа и произнесение слова, – как основной поэтический прием»<sup>18</sup>. Солидаризируясь с мнением Шкловского, поэт вводит в свой текст обширную цитату (почти страницу текста, убористо набранного в «Поэтике»), которую сжимает до абзаца, опуская примеры, цитаты и проч.:

«Если мы станем разбираться в общих законах восприятия, – прекрасно рассуждает автор (замечание Вяч. Иванова – *К. Л.-Д.*), – то увидим, что, становясь привычными, действия делаются автоматическими... Процессом автоматизации объясняются законы нашей прозаической речи... Это процесс, идеальным выражением которого является алгебра, где вещи заменены символами... Вещь проходит мимо нас как бы запакованной... Таким восприятием прозаического слова объясняется его недослушанность, а отсюда недоговоренность. При процессе алгебраизации... получается наибольшая экономия воспринимающих сил: вещи или даются одной только чертой своей, или выполняются как бы по формуле, даже не появляясь в сознании... И вот для того, чтобы вернуть ощущение жизни, почувствовать вещи, – существует то, что называется искусством. Целью искусства является дать ощущение вещи, как видение, а не как узнавание; приемом искусства является прием «остранения» вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как воспринимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен» [11, с. 174]<sup>19</sup>.

Как это нередко бывает у Вяч. Иванова, он, отмечая заслугу оппонента в установлении какого-либо явления, затем истолковывает его выводы совершенно иначе. То, что названо «остранением», по мнению поэта, не прием, не «украшение речи и средство воздействия на слушателя», но в истинной поэзии «подлинно ... наивное переживание», ибо художник слова «не только представляет вещи “странными”, но такими именно их и воспринимает»<sup>20</sup>, поэтому выражаемое поэтом «удивление» способствует обновлению читательского взгляда на любое явление. Вяч. Иванов утверждает, что в поэзии каждый раз заново происходит «переживание новизны синтетического суждения»<sup>21</sup>, опираясь при этом

<sup>17</sup> См. об этом подробнее: Лаппо-Данилевский К.Ю. К проблеме звукообраза у Вяч. Иванова // Литературный факт. 2024. № 4(34). С. 138–165 [20].

<sup>18</sup> См.: Иванов Вяч. О новейших теоретических исканиях в области художественного слова. С. 176.

<sup>19</sup> Вяч. Иванов цитирует здесь пассаж из следующей статьи, несколько сокращая его: Шкловский В.Б. Искусство как прием // Поэтика: сборники по теории поэтического языка. С. 104–105.

<sup>20</sup> См.: Иванов Вяч. О новейших теоретических исканиях в области художественного слова. С. 176.

<sup>21</sup> Там же.

на кантовскую дихотомию аналитических и синтетических суждений. Эту особенность поэтического мышления Вяч. Иванов объясняет тем, что «первоначальными поэтическими высказываниями были пра-мифы», и тем, что специфическое «мышление поэта» все-таки образное. Он прекрасно сознает, что «выше намеченный ход мысли, по всей вероятности, чужд автору статьи “об искусстве, как приеме”»<sup>22</sup>, а потому, очертив контуры собственной позиции, переходит к другим материалам сборника.

Весьма краткой и пренебрежительной оценки удостоивается статья Шкловского «Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля». По мнению Вяч. Иванова, она посвящена «не новой по существу теме задержания (ретардации)»<sup>23</sup>. Статья же Эйхенбаума «Как сделана “Шинель” Гоголя», по мнению Вяч. Иванова, хотя «правильно отмечает многие особенности гоголевского сочинительства, но, без сомнения, лишь частично отвечает на поставленный в ее заглавии вопрос»<sup>24</sup>. Это побуждает Вяч. Иванова выразить свою общую неудовлетворенность трудами нарождающейся школы, многое упрощающей и выдающей «pars pro toto». В заключительных фразах он подчеркивает, что «Потебня остается неуязвим в своем анализе природы слова и в утверждении языко-творческого символизма», и ставит в вину новой школе стремление отменить «самое проблематику образного мышления»<sup>25</sup>. В целом для поэта очевидна неоправданность притязаний новой школы «заложить основы новой, “научной”, точнее – эмпирической, поэтики», ибо при всей «тщательной и остроумной разработке словесного материала» и освещении «отдельных частных явлений в жизни слова» этого невозможно добиться «при отсутствии как философского анализа их, так и исторической перспективы»<sup>26</sup>.

Здесь имеет смысл наконец обратиться к двум листкам в архиве Вяч. Иванова, хранящимся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки и документирующим чтение и осмысление им статьи Шкловского «Искусство как прием» (при этом в архивном описании объект конспектирования идентифицирован неточно). Эти карандашные заметки, по-видимому, делались для того, чтобы выявить наиболее важное в концепции своего оппонента и одновременно наметить пункты несогласия и полемики с ним в обзоре «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова». Записи крайне неразборчивы, изобилуют сокращениями и недописанными словами (это обычно для записей, делавшихся поэтом для себя)<sup>27</sup>. Они распадаются на семь соотносимых отрывков, кор-

<sup>22</sup> См.: Иванов Вяч. О новейших теоретических исканиях в области художественного слова. С. 177.

<sup>23</sup> Там же.

<sup>24</sup> Там же.

<sup>25</sup> Там же.

<sup>26</sup> Там же. С. 176.

<sup>27</sup> При передаче текста используются следующие знаки: в угловых скобках раскрываются сокращения; вопросительный знак в угловых скобках обозначает неполную уверенность в предлагаемом прочтении; если текст не поддается прочтению, то в угловых скобках помещается указание

респондирующих с различными частями статьи Шкловского. Специфика документа подсказала форму его презентации – семь отрывков приведены ниже последовательно, в сопровождении комментариев и релевантных цитат.

Запись в правом углу, как кажется, была сделана уже после окончания чтения, она подводит определенный итог и намечает вектор полемики. Понятие «остранения» вызвало сочувственный интерес у Вяч. Иванова, почему оно и внесено в первую строку:

<№ 1>  
Остранение  
Толстой  
Тенденц<ия> (примеры неудачные)  
не общие свойства  
но древнее  
удивление  
синтетизм

[21, л. 1].

Первые две строки отсылают в первую очередь к следующему пассажиру в статье «Искусство как прием»:

«Прием остранения у Л. Толстого состоит в том, что он не называет вещь ее именем, а описывает ее, как в первый раз виденную, а случай – как в первый раз произошедший, причем он употребляет в описании вещи не те названия ее частей, которые приняты, а называет их так, как называются соответственные части в других вещах» [4, с. 106].

Дальнейшее упоминание Толстого указывало на материал, на котором развивал свои идеи Шкловский<sup>28</sup>. «Примеры неудачные» – это те описания у Толстого (телесных наказаний в статье «Стыдно», сражений, салонов и театра в «Войне и мире» и проч.), о которых далее говорится у Шкловского. В третьей строке поэт отмечает тенденциозность изложения своего оппонента и важнейший пункт расхождений с ним, а именно то, что в основе поэзии лежат «не общие свойства» человеческого восприятия, а унаследованное поэтами от древности «удивление». Как уже отмечалось выше, в обзоре «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова» была также востребована кан-

---

на то, сколько слов не читается; в квадратные скобки заключается зачеркнутое. Выражаю признательность Л.Л. Ермаковой за помощь в прочтении заметок Вяч. Иванова.

<sup>28</sup> Любовь Вяч. Иванова к Достоевскому не препятствовала его высокой оценке личности и творчества Льва Толстого, памяти которого он посвятил статью «Лев Толстой и культура» (1911 г.). Своего ученика М.С. Альтмана, отдававшего безоговорочное предпочтение первому писателю перед вторым, Вяч. Иванов недвусмысленно осуждал за «грех непонимания Толстого». См.: Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / сост., подгот. текстов В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского; статья и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995. С. 32 [22].

товская дихотомия аналитических и синтетических суждений, поэтому в седьмой строке и находим слово «синтетизм» – явно в качестве основного свойства любого поэтического высказывания.

Отрывок второй начинается с упоминания трех приемов повествования, о которых писал Шкловский. При этом о «замедлении» говорится не в «Искусстве как приеме», но в статье «Связи приемов сюжетосложения с общими приемами стиля», удостоенной только краткого высокомерного отзыва в обзоре Вяч. Иванова:

<№ 2>  
Шкловский  
Прием остранения  
Прием замедления  
Прием в́идения вещи, вместо наименования  
Против Потебни  
Музыка, лирика – тоже образные искус<ства>?!  
Образы не изменить [21, л. 1].

Четвертая строка явно отсылает к следующему пассажиру, хотя у Шкловского речь идет не о «наименовании», а об «узнавании»:

«Целью искусства является дать ощущение вещи, как в́идение, а не как узнавание; приемом искусства является прием “остранения” вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как воспринимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен; искусство есть способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве не важно» [4, с. 105].

Вслед за констатацией общей антипотебнианской направленности суждений Шкловского в зачине его статьи «Искусство как прием» Вяч. Иванов в строках шестой и седьмой высказывает свое настороженное отношение к трем абзацам, в которых Шкловский полемизирует поначалу с Д.Н. Овсяннико-Куликовским, а затем выражает свое несогласие и с Потебней, и с теоретическими установками символизма, касающимися образности искусства – в первую очередь словесного (полемическое упоминание Шкловским ивановского сборника литературно-философских статей «Борозды и межи» (1916 г.), конечно же, не укрылось от его автора):

«“Без образа нет искусства”. “Искусство – мышление образами”. Во имя этих определений делались чудовищные натяжки; музыку, архитектуру, лирику тоже стремились понять, как мышление образами. После четвертьвекового усилия ак. Овсяннико-Куликовскому, наконец, пришлось выделить лирику, архитектуру и музыку в особый вид безобразного искусства – определить их как искусства лирические, обращающиеся непосредственно к эмоциям. И так оказалось, что существует громадная область искусства, которое не есть способ мышления; одно из искусств, входящих в эту область, лирика (в тесном смысле этого слова), тем не менее вполне подобна “образному” искусству: так же обращается со словами и, что всего важнее, – искусство образное переходит в искусство без-образное совершенно незаметно, и восприятия их нами подобны.

Но определение: “искусство – мышление образами”, а значит (пропуская промежуточные звенья всем известных уравнений) искусство есть создатель символов прежде всего, – это определение устояло, и оно пережило крушение теории, на которой было основано. Прежде всего, оно живо в течении символизма. Особенно у теоретиков его.

Итак, многие все еще думают, что мышление образами, “пути и тени”, “борозды и межи”, есть главная черта поэзии. Поэтому эти люди должны были бы ожидать, что история этого, по их словам, “образного” искусства будет состоять из истории изменения образа. Но оказывается, что образы почти неподвижны; от столетия к столетию, из края в край, от поэта к поэту текут они не изменяясь. Образы – “ничьи”, “божьи”. Чем больше уясняете вы эпоху, тем больше убеждаетесь в том, что образы, которые вы считали созданными данным поэтом, употребляются им взятыми от других и почти неизменными. Вся работа поэтических школ сводится к накоплению и выявлению новых приемов расположения и обработки словесных материалов и, в частности, гораздо больше к расположению образов, чем к созданию их. Образы даны, и в поэзии гораздо больше воспоминания образов, чем мышления ими.

Образное мышление не есть, во всяком случае, то, что объединяет все виды искусства, или даже только все виды словесного искусства, образы не есть то, изменение чего составляет сущность движения поэзии» [4, с. 101–102].

Разработку «научной поэтики» Шкловский призывает начать с признания существования языков «прозаического» и «поэтического», с изучения и анализа их различий. Рассуждения Шкловского полемичны противопоставлению «поэзии» и «прозы» у Потебни, видевшего в них два основных типа мышления (соответственно образное и понятийное), первый из которых реализуется в искусстве, второй – в науке. Наиболее полно эта концепция была выражена в курсе лекций Потебни «Психология поэтического и прозаического мышления», посмертно опубликованных Б.А. Лезиным<sup>29</sup>. Некоторая расплывчатость определений Шкловского объясняется и полемичностью, и тем, что его собственная терминология еще не устоялась, а объект исследования недостаточно четко определен. Важнейшим для него было противопоставление языка повседневной коммуникации тому, что лучше обозначить как «язык художественной литературы». В то же время, судя по примерам, под «языком поэтическим» (он же «язык поэзии») Шкловский подразумевал главным образом «речь стихотворную», а под «языком прозаическим» – язык обиходный и нестихотворный. Круг этих проблем волновал и Вяч. Иванова, что отражает следующая запись:

<№ 3>

Прозаич.<еское> может быть воспринято как поэтич.<еское> и наоборот

Поэтическое восприятие в нас

Прозаич.<еская> мысль экономна, поэтическая нет

Прозаич.<еская> мысль автоматизирована

Алгебраизация [21, л. 1].

<sup>29</sup> См.: [Потебня А.А.] Психология поэтического и прозаического мышления (из лекций А.А. Потебни) / публ. Б.А. Лезина // Вопросы теории и психологии творчества. СПб., 1910. Т. 2, вып. 2. С. 99–137 [23].

Третий отрывок, посвященный размышлениям Шкловского об автономизации восприятия и экономии сил, отсылает к пассажиру, который с некоторыми сокращениями процитировал Вяч. Иванов в своем обзоре и который уже был приведен выше: – «Если мы станем разбираться в общих законах восприятия... и проч.» [4, с. 104–105; 11, с. 174].

В следующей группе заметок Вяч. Иванов фиксирует дальнейший ход мысли Шкловского о противостоянии автоматизации восприятия в художественных произведениях и об особенностях поэтической речи:

<№ 4>

[Сущ<ность>] Искусство борется с автоматизмом

Отсюда прием остранения и видения

Главное в искусстве – делание вещи

Жизнь образа. Образ ширеет. [Баснь] Карл – король

Баснь символичнее

Поэтич.<еская> речь есть речь затрудненная, чужеземная –  
мертвый язык [21, л. 1].

Первая строка – итог сказанного Шкловским выше; в строках заметки далее зафиксирован ход его мысли, представленный в следующих двух абзацах:

«И вот для того, чтобы вернуть ощущение жизни, почувствовать вещи для того, чтобы делать камень каменным, существует то, что называется искусством. Целью искусства является дать ощущение вещи, как видение, а не как узнавание; приемом искусства является прием “остранения” вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как воспринимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен; искусство есть способ пережить делание вещи, а сделанное в искусстве не важно.

Жизнь поэтического (художественного) произведения – от видения к узнаванию, от поэзии к прозе, от конкретного к общему, от Дон-Кихота – схоласта и бедного дворянина, полусознательно переносящего унижение при дворе герцога, к Дон-Кихоту Тургенева, широкому, но пустому, от Карла Великого к имени короля; по мере умирания произведения и искусства оно ширеет, басня символистичнее поэмы, а пословица – басни. Поэтому и теория Потебни меньше всего противоречила сама себе при разборе басни, которая и была исследована Потебней с его точки зрения до конца. К художественным “вещным” произведениям теория не подошла, а потому и книга Потебни не могла быть дописана» [4, с. 105–106].

Судя по строке шестой, явное сочувствие Вяч. Иванова вызывают мысли Шкловского о поэтической речи как затрудненной, искусственной, чуждой разговорной стихии:

«Исследуя поэтическую речь как в фонетическом и словарном составе, так и в характере расположения слов, и в характере смысловых построений, составленных из ее слов, мы везде встретимся с тем же признаком художественного: с тем, что оно нарочито создано выведенного из автоматизма восприятия, и с тем, что в нем видение его представляет цель творца и оно “искусственно” создано так, что восприятие на

нем задерживается и достигает возможно высокой своей силы и длительности, причем вещь воспринимается не в своей пространственности, а, так сказать, в своей непрерывности. Этим условиям и удовлетворяет “поэтический язык”. Поэтический язык по Аристотелю должен иметь характер чужеземного, удивительного; практически он и является часто чужим: сумерийский у ассирийцев, латынь у средневековой Европы, арабизмы у персов, древнеболгарский как основа русского литературного, или же языком повышенным, как язык народных песен, близкий к литературному. Сюда же относятся столь широко распространенные архаизмы поэтического языка, затруднения языка *dolce stil nuovo* (XII), язык Арно Даниеля с его темным стилем и затрудненными (*harte*) формами, *полагающими трудности при произношении* (Diez. *Leben und Werke der Troubadour*, стр. 213). <...> Таким образом, язык поэзии, язык трудный, затрудненный, заторможенный» [4, с. 112–113].

В отрывке пятом продолжается осмысление особенностей поэтической речи, а также приемов, которые способствуют деавтоматизации восприятия:

<№ 5>

Просторечие Пушкина умеет остановить  
внимание неожиданностью  
Поэт.<ическая> речь, – заторможенная, кривая  
Dea Prosae – богиня легких родов  
Ритм поэтич<еской> речи состоит из нарушений  
неканонических

[21, л. 1 об.].

В строках первой и второй пятого отрывка сжато передана главная мысль следующего абзаца:

«Для современников Пушкина привычным поэтическим языком был приподнятый стиль Державина, а стиль Пушкина по своей (тогдашней) тривиальности являлся для них неожиданно трудным. Вспомним ужас современников Пушкина по поводу того, что выражения его так площадны. Пушкин употреблял просторечие как особый прием остановки внимания, именно так, как употребляли вообще русские слова в своей обычно французской речи его современники (см. примеры у Толстого: «Война и мир»»)» [4, с. 113].

В строках третьей и четвертой отражено дальнейшее развитие мысли Шкловского об особенностях поэтической речи и о ее особенностях у символистов и футуристов:

«Таким образом, просторечие и литературный язык обменялись своими местами (Вячеслав Иванов и многие другие). Наконец, появилась сильная тенденция к созданию нового, специально поэтического языка; во главе этой школы, как известно, стал Владимир (sic! – К. Л.-Д.) Хлебников. Таким образом, мы приходим к определению поэзии как речи заторможенной, кривой. Поэтическая речь – речь-построение. Проза же – речь обычная: экономичная, легкая, правильная (*dea prosae*, – богиня правильных, нетрудных родов)» [4, с. 113].

В заключительных строках пятого отрывка сжато переданы рассуждения о нарушениях ритма как художественном приеме:

«Но не таков ритм поэзии. В искусстве есть ордер, но ни одна колонна греческого храма не выполняет точно ордера, и художественный ритм состоит в ритме прозаическом – нарушенном; попытки систематизировать эти нарушения уже предпринимались. Они представляют собою сегодняшнюю задачу теории ритма. Можно думать, что систематизация эта не удастся; в самом деле, ведь вопрос идет не об осложненном ритме, а о нарушении ритма и притом таком, которое не может быть предугадано, если это нарушение войдет в канон, то оно потеряет свою силу затрудняющего приема» [4, с. 114].

Шестой отрывок начинается с упоминания «вечно детского у Толстого» – выражение, аналогов которому в статье Шкловского нет. Как кажется, здесь мы имеем дело с наблюдением самого Вяч. Иванова, с его более психологичным объяснением особенностей изображения у Толстого. Это подтверждают слова «созерцание» и «в́идение», записанные здесь же (второе из них, возводившееся Шкловским в ранг «приема», снабжено двумя вопросительными знаками, чем, по нашему мнению, выражены недвусмысленные сомнения Вяч. Иванова в подходе его оппонента):

<№ 6>

Вечно детское у Толстого (Созерцание)

В́идение – ??

Восприятие прозаич.<еского> как поэтич.<еского> Слав. яз. <1 слово>  
приемы <?>Тол<стого>  
поэт.<ическая> сущ.<ность>

Пушкин

Непреднамеренность поэт.<ической> речи

Познават.<ельное> значение поэзии  
лежащее в слове

Содержание и форма

[21, л. 1 об.].

Строки с третьей по седьмую касаются особенностей восприятия художественных произведений и тех случаев, когда общие особенности поэтического языка эпохи могут быть восприняты как «приемы»:

«Мы знаем, что часты случаи восприятия как чего-то поэтического, созданного для художественного любования, таких выражений, которые были созданы без расчета на такое восприятие; таково, например, мнение Анненского об особой поэтичности славянского языка, таково, например, и восхищение Андрея Белого приемом русских поэтов 18 века помещать прилагательные после существительных. Белый восхищается этим, как чем-то художественным, или точнее – считая это искусством – намеренным, на самом деле это общая особенность данного

языка (влияние церковно-славянского). Таким образом, вещь может быть: 1) создана, как прозаическая и воспринята, как поэтическая, 2) создана как поэтическая и воспринята как прозаическая. Это указывает, что художественность, относимость к поэзии данной вещи, есть результат способа нашего восприятия; вещами художественными же, в тесном смысле, мы будем называть вещи, которые были созданы особыми приемами, цель которых состояла в том, чтобы эти вещи по возможности наверняка воспринимались как художественные» [4, с. 102–103].

Заключительные строки, как кажется, не соотносятся напрямую со статьей Шкловского, где в первом абзаце он критически цитирует фразу Потебни: «Поэзия, как и проза, есть прежде всего и главным образом известный способ мышления и познания»» [4, с. 101]. В отличие от Шкловского, «познавательное значение поэзии» для Вяч. Иванова явно неоспоримо. Он также заносит в конспект как повод для последующих размышлений весьма традиционную формулу «содержание и форма», Шкловскому чуждую и им не употребляемую.

Седьмой отрывок представляет еще больший отход от статьи «Искусство как прием»:

<№ 7>

Неясно

<1 слово>

<1 слово>

Необходимость разделения поэзии и прозы

Высокое косноязычие

Поэт и <?> закрывает

Слав. <янский> яз.<ык> <?> изучается как архаический  
архаизмы освежают

Δ ABC

Геометрия. Сегодня <1 слово>

[21, л. 2].

Если строка «Необходимость разделения поэзии и прозы» выглядит как констатация очевидного, то словосочетание «Высокое косноязычие», являющееся цитатой из широко известного стихотворения Н.С. Гумилева «Восьмистишие» («Ни шороха полных далей...») (1915 г.)<sup>30</sup>, в данном контексте призвано, скорее, сформулировать некоторые особенности собственной поэтики Вяч. Иванова. То же можно сказать и о выражении «архаизмы освежают». Последние две отдельно отстоящие строки «геометрической направленности» сколько-либо внятному истолкованию не поддаются.

Выше был предложен опыт медленного чтения заметок Вяч. Иванова, делавшихся во время штудирования им статьи Шкловского «Искусство как

<sup>30</sup> В стихотворении Гумилева это выражение также употреблено в связи с поэтическим творчеством: «И, символ горного величия, / Как некий благостный завет, / Высокое косноязычие / Тебе даруется, поэт» (см.: Гумилев Н. Колчан. Пг.: Гиперборей, 1916. С. 69 [24]).

прием», в соотнесении их с пассажами, привлечшими внимание поэта-символиста. Не подлежит сомнению, что эта статья, хотя и не близкая Вяч. Иванову по исходным установкам, вызвала у него наибольший интерес. Чтение ее происходило, по-видимому, именно в тот момент, когда поэт предполагал рассмотреть сборник «Поэтика» в своем обзоре «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова». В двух абзацах этого обзора, посвященных статье Шкловского «Искусство как прием», обсуждается главным образом проблема автоматизации восприятия и противостоящий ей прием острания, хотя, как показывает анализ заметок, Вяч. Иванова интересовало куда большее количество вопросов, обсуждаемых в этой статье. Статья Шкловского под непривычным для поэта углом зрения затрагивала ряд проблем, над которыми Вяч. Иванов издавна размышлял, и тем давала новые импульсы его мысли.

### Список литературы

1. Лаппо-Данилевский К.Ю. Вячеслав Иванов в диалоге со школой А.А. Потебни и утверждающимся формализмом // Летняя школа по русской литературе. 2023. № 1–2. С. 42–88.
2. Обатнин Г.В., Постоутенко К.Ю. Вячеслав Иванов и формальный метод: (Материалы к теме) // Русская литература. 1992. № 1. С. 180–187.
3. Шкловский В.Б. Искусство как прием // Сборники по теории поэтического языка. Пг., 1917. Вып. II. С. 3–14.
4. Шкловский В.Б. Искусство как прием // Поэтика: сборники по теории поэтического языка. Пг.: 18-я гос. типогр., 1919. [Вып. 3]. С. 101–114.
5. Бёрд Р. Вяч. Иванов и Советская власть (1919–1924). Неизвестные материалы // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 305–331.
6. Три неизданные рецензии В.И. Иванова / публ. К.Ю. Постоутенко // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 237–251.
7. Томашевский и Московский лингвистический кружок / публ., предисл. и примеч. Л.С. Флейшмана // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. Тарту, 1977. Вып. 422. С. 113–115 (Труды по знаковым системам, IX).
8. Пилищikov И.А., Устинов А.Б. Московский лингвистический кружок и становление русского стиховедения (1919–1920) // Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel / ed. by L. Fleishman, D.M. Bethea and I. Vinitsky. Bern, 2021. P. 389–413.
9. Якобсон Р.О. Брюсовская стихология и наука о стихе // Научные известия / Академический центр Наркомпроса. М.: Гос. изд-во, [1922]. Сб. 2: Философия. Литература. Искусство. С. 222–240.
10. Брюсов В.Я. Краткий курс науки о стихе (лекции, читанные в Студии стиховедения в Москве 1918 г.). 2-е изд. М.: Альциона, 1919. Ч. I. Частная метрика и ритмика русского языка (основы русской метрики). 134 с.
11. Иванов Вяч. О новейших теоретических исканиях в области художественного слова // Научные известия / Академический центр Наркомпроса. М.: Гос. изд-во, [1922]. Сб. 2: Философия. Литература. Искусство. С. 164–181.
12. Лаппо-Данилевский К.Ю. К истории Пушкинского семинария Вяч. Иванова 1919–1920 гг. (записи Н.И. Игнатовой) // Летняя школа по русской литературе. 2025. № 3–4. С. 262–274.
13. Брюсов В.Я. Основы стиховедения. Курс В.У.З. Ч. 1 и 2. Общее введение. Метрика и ритмика. М.: Гос. изд-во, 1924. 144 с.
14. Томашевский Б.В. Теория поэтического языка. [Рец. на: Брюсов В.Я. Краткий курс науки о стихе. М., 1919; Белый А. О художественной прозе] // Горн. М., 1919. Кн. II–III. С. 50–55] // Книга и революция. 1921. № 10/11 (апр.-май). С. 32–34.
15. Брик О.М. [Рец. на: Брюсов В.Я. Краткий курс науки о стихе. М., 1919] // Пролетарская культура. № 13–14, янв.–март. 1920. С. 102–104.

16. Белый А. Жезл Аарона (о слове в поэзии) // Скифы. Сборник 1-й. [Пг.: Скифы], 1917. С. 155–212.
17. Белый А. О художественной прозе // Горн. М.: Т-во Тип. А.И. Мамонтова, 1919. Кн. II–III. С. 49–55.
18. Поэтика: сборники по теории поэтического языка. Пг.: 18-я гос. типогр., 1919. 168 с.
19. Гершензон М.О. Видение поэта. М.: 2-я типолит. МГСНХ, 1919. 80 с.
20. Лаппо-Данилевский К.Ю. К проблеме звукообраза у Вяч. Иванова // Литературный факт. 2024. № 4(34). С. 138–165.
21. Иванов В.И. Конспект статьи Шкловского о Л.Н. Толстом. (1920-е гг.). Автограф, карандашом // НИОР РГБ. Ф. 109 (В.И. Иванов). Карт. 5. Ед. хр. 35. 2 л.
22. Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / сост., подгот. текстов В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского, ст. и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: Инапресс, 1995. 366 с.
23. [Потебня А.А.] Психология поэтического и прозаического мышления (из лекций А.А. Потебни) / публ. Б.А. Лезина // Вопросы теории и психологии творчества. СПб., 1910. Т. 2, вып. 2. С. 99–137.
24. Гумилев Н. Колчан. Пг.: Гиперборей, 1916. 102 с.

## References

### (Sources)

#### *Individual Works*

1. Al'tman, M.S. *Razgovory s Vyacheslavom Ivanovym* [Conversations with Viacheslav Ivanov]. Saint-Petersburg: Inapress, 1995. 366 p.
2. Belyy, A. Zhezl Aarona (o slove v poezii) [Aaron's Rod (On the Word in Poetry)], in *Skify*, [Petrograd: Skify], 1917, vol. IV, pp. 155–212.
3. Belyy, A. O khudozhestvennoy proze [On Artistic Prose], in *Gorn*. Moscow: Tovarishchestvo Tipografiya A.I. Mamontova, 1919, book II–III, pp. 49–55.
4. Brik, O.M. [Rets. na: Bryusov V.Ya. Kratkiy kurs nauki o stikhe. Moscow, 1919] [Review of: Bryusov, V.Ya. A Short Course in the Science of Verse. Moscow, 1919], in *Proletarskaya kul'tura*, 1920, no. 13–14, Jan.–Mar., pp. 102–104.
5. Bryusov, V.Ya. *Kratkii kurs nauki o stikhe (leksii, chitaniye v Studii stikhovedeniya v Moskve 1918 g.)* [A Brief Course in the Science of Verse (lectures delivered at the Studio of Poetics in Moscow in 1918)]. Moscow: Al'tsiona, 1919, part I. Chastnaya metrika i ritmika russkogo yazyka (osnovy russkoy metriki) [Specific Metrics and Rhythm of the Russian Language (Fundamentals of Russian Metrics)].
6. Bryusov, V.Ya. *Osnovy stikhovedeniya. Kurs V.U.Z. Ch. 1 i 2. Obshchee vvedenie. Metrika i ritmika* [Fundamentals of Poetics. A Course for Higher Educational Institutions. Parts 1 and 2. General Introduction. Metrics and Rhythm]. Moscow: Gos. izdatel'stvo, 1924. 144 p.
7. Gershenzon, M.O. *Videnie poeta* [The Poet's Vision]. Moscow: 2-ya tipolit. MGSNKH, 1919.
8. Gumilev, N. *Kolchan* [Quiver]. Petrograd: Giperborey, 1916. 102 p.
9. Ivanov, Vyach. O noveyshikh teoreticheskikh iskaniyakh v oblasti khudozhestvennogo slova [On the Latest Theoretical Inquiries in the Field of Literary], in *Nauchnye izvestiya. Akademicheskii tsentr Narkomprosa*. Moscow: Gos. izdatel'stvo, [1922]. Vol. 2: Filosofiya. Literatura. Iskustvo, pp. 164–181.
10. Ivanov, V.I. Konспект stat'i Shklovskogo o L.N. Tolstom (1920-e gg.) [Summary of Shklovsky's article on L.N. Tolstoy. (1920s (?))], in *NIOR RGB, fond (V.I. Ivanov), karton 5. No 35*.
11. *Poetika: sborniki po teorii poeticheskogo yazyka* [Poetics: Collections on the Theory of Poetic Language]. Petrograd: 18-ya gos. tipogr., 1919, [Iss. 3].
12. [Potebnya, A.A.] *Psikhologiya poeticheskogo i prozaicheskogo myshleniya (iz lektsiy A.A. Potebni)* [The Psychology of Poetic and Prose Thinking (from the lectures of A.A. Potebnya)], in *Voprosy teorii i psikhologii tvorchestva*, 1910, vol. 2, no. 2, pp. 99–137.
13. Shklovskiy, V.B. *Iskusstvo kak priem* [Art as a Technique], in *Sborniki po teorii poeticheskogo yazyka*. Petrograd, 1917, issue II, pp. 3–14.

14. Shklovskiy, V.B. Iskusstvo kak priem [Art as a Technique], in *Poetika: sborniki po teorii poeticheskogo yazyka*. Petrograd: 18-ya gos. tipografiya, 1919, [Issue 3], pp. 101–114.

15. Tomashevskiy, B.V. Teorya poeticheskogo yazyka [rets. na: Bryusov V.Ya. Kratkiy kurs nauki o stikhe. Moscow, 1919; Belyy, A. O khudozhestvennoy proze] [The Theory of Poetic Language [review of: Briusov, V.Ya. A Brief Course in the Science of Verse. Moscow, 1919; Bely, A. On Artistic Prose], in *Gorn*. Moscow, 1919, Book II–III, pp. 50–55], in *Kniga i revolyutsiya*, 1921, no. 10/11 (April–May), pp. 32–34.

16. Yakobson, R.O. Bryusovskaya stikhologiya i nauka o stikhe [Briusov's Poetics and the Science of Verse], in *Nauchnye izvestiya. Akademicheskii tsentr Narkomprosa*. Moscow: Gos. izdatel'stvo, [1922]. Vol. 2: Filosofiya. Literatura. Iskusstvo, pp. 222–240.

#### (Articles from Scientific Journals)

17. Bërd, R. Vyach. Ivanov i Sovetskaya vlast' (1919–1924). Neizvestnye materialy [Viacheslav Ivanov and Soviet Power (1919–1924). Unknown Materials], in *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1999, no. 40, pp. 305–331.

18. Lappo-Danilevskiy, K.Yu. [K istorii Pushkinskogo seminariya Vyach. Ivanova 1919–1920 gg. (zapisi N.I. Ignatovoy)] [On the history of the Pushkin Seminary of Viach. Ivanov in 1919–1920 (notes by N.I. Ignatova)], in *Letnyaya shkola po russkoy literature*, 2025, no. 3–4, pp. 262–274.

19. Lappo-Danilevskiy, K.Yu. K probleme zvukoobraza u Vyach. Ivanova [On the problem of sound image in Viach. Ivanov's], in *Literaturnyy fakt*, 2024, no. 4(34), pp. 138–165.

20. Lappo-Danilevskiy, K.Yu. Vyacheslav Ivanov v dialoge so shkoly A.A. Potebni i utverzhdayushchimsya formalizmom [Viacheslav Ivanov in Dialogue with the School of A.A. Potebnia and Sustainable Formalism], in *Letnyaya shkola po russkoy literature*, 2023, no. 1–2, pp. 42–88.

21. Obatnin, G.V., Postoutenko, K.Yu. Vyacheslav Ivanov i formal'nyy metod: (materialy k teme) [Viacheslav Ivanov and the Formal Method: (Materials on the Topic)], in *Russkaya literatura*, 1992, no. 1, pp. 180–187.

22. Postoutenko, K.Yu. Tri neizdannye retsenzii V.I. Ivanova [Three Unpublished Reviews by V.I. Ivanov], in *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1994, no. 10, pp. 237–251.

#### (Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

23. Fleyshman, L.S. (ed.) Tomashevskiy i Moskovskiy lingvisticheskiy kruzhok [Tomashevskii and the Moscow Linguistic Circle], in *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo Universiteta*. Tartu: TGU, 1977, issue 422, pp. 113–115 (Trudy po znakovym sistemam, IX).

24. Pil'shchikov, I.A., Ustinov, A.B. Moskovskiy lingvisticheskiy kruzhok i stanovlenie russkogo stikhovedeniya (1919–1920) [Moscow Linguistic Circle and the Formation of Russian Versification (1919–1920)], in *Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel*. Bern, 2021, pp. 389–413.